

И.А. Кравец,
Доктор юридических наук, профессор,
Заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
конституционного права ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет»
г. Новосибирск
I.A. Kravets,
Doctor of juridical sciences, Professor,
Head of the Chair of Theory and History of State and Law
and Constitutional Law of Novosibirsk State University,
Novosibirsk
e-mail: kravigor@gmail.com

**Конституционная телеология и принцип пропорциональности
(в российском конституционализме и практике ЕСПЧ)**

**Constitutional teleology and the principle of proportionality
(the experience of the Russian constitutionalism and the practice of the
ECHR)**

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические основы конституционной телеологии, принцип пропорциональности в контексте опыта российского конституционализма и практики ЕСПЧ, соотношение принципа пропорциональности и принципа охраны достоинства личности, гарантии достоинства личности в практике Конституционного Суда РФ.

Ключевые слова: конституционная телеология, российский конституционализм, принцип пропорциональности, достоинство личности, конституционное правосудие, ЕСПЧ.

Abstract

The article reviews the theoretical bases of constitutional teleology, the principle of proportionality in the context of the experience of Russian constitutionalism and the practice of the ECHR, the relation between the principle of proportionality and the principle of protection the human dignity, the guarantees of human dignity in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Keywords: constitutional teleology, Russian constitutionalism, the principle of proportionality, human dignity, constitutional justice, the ECHR.

Конституционная телеология как наука о целях и задачах конституционного регулирования и развития общества и государства

связана с важнейшими областями конституционной юриспруденции: 1) с функциями конституции и особенно с телеологической (программной) функцией; 2) с конституционализацией правового порядка на основе судебной интерпретации конституционных положений и законодательного обеспечения их реализации; 3) с конституционными целями ограничений прав и свобод граждан, различных сфер отраслевого регулирования и регулирования общественного и государственного строя страны [1, с.81]. Конституционно значимые цели ограничения прав и свобод являются важным составляющим элементом конституционной телеологии, особенно в контексте «работы» принципа соразмерности (или пропорциональности). Соразмерность как конституционный принцип в области прав человека как в российской юриспруденции, так и в конвенциональной практике европейской юриспруденции прав человека часто соприкасается с проблемой понимания и обеспечения достоинства личности, особенно в контексте обеспечения равного достоинства.

В современной юриспруденции прав человека, отмечает Роберт Алекси, отношения между анализом принципа пропорциональности и человеческим достоинством – один из наиболее значимых и одновременно спорных вопросов в дебатах о нормативной структуре достоинства личности [2, р.83–84]. В дебатах о нормативном закреплении человеческого достоинства на международно-правовом и внутригосударственном уровне, с одной стороны, и о разноотраслевом понимании категории «достоинство личности», например, в российской юриспруденции, выявляется потребность разработки общих методологических подходов к правовому регулированию и правовому обеспечению человеческого достоинства. Соотношение прав человека и человеческого достоинства с учетом различных сфер реализации прав и свобод рассматривается в различных концепциях неодинаково, особенно в западных и не-западных концепциях прав человека [3, р. 303–316.], на что есть свои основания, а именно различия в понимании достоинства как необходимого метаюридического компонента индивидуальных и коллективных прав и свобод.

Тема толкования правовых актов, поднятая на конференции в 2017 году в Крымском федеральном университете [4, с.40–44.], имеет важный срез, связанные с осуществлением различных видов правосудия, как на национальном, так и на наднациональном уровне. Толкование правовых актов, конституционных положений в практике конституционного правосудия затрагивает чувствительные к правам и свободам содержательные элементы принципа соразмерности, стандарты применения которых пока только вырабатываются, в том числе и применительно к обеспечению достоинства личности. Принцип пропорциональности заслуживает внимания не только как принцип конституционализма, зафиксированный конституцией, но и как принцип, призванный эффективно «работать» в доктрине и практике ограниченного правления и конституционной коммуникации в сфере основных прав и

свобод личности. Соразмерность ограничений прав и свобод как конституционный принцип балансировки содействует одновременно и предупреждению или устранению неправомерных и неконституционных ограничений прав и свобод в конституционном пространстве, а также поддержанию баланса между государственными полномочиями принимать законы в области прав человека и конституционными целями обеспечения прав и свобод личности. По мнению, одного из исследователей, существуют основания сомневаться в том, что границы определения пропорциональности лучше всего оставить органам законодательной власти. Полномочия законодателя в данной сфере не должны быть абсолютными, а принцип пропорциональности может служить балансирующим ответом и использоваться в качестве механизма судебного контроля (надзора) для предотвращения чрезмерных законодательных посягательств на индивидуальные права и свободы и другие примеры реализации чрезмерных полномочий, в том числе и в сфере установления пределов уголовных наказаний [5, р. 263].

Действующая Конституция РФ в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» закрепляет основы правового положения личности. Возможны три подхода к конституционному регулированию прав и свобод: 1) конституция прямо запрещает принимать законы, ограничивающие права и свободы, перечисленные в конституционных нормах; 2) конституция закрепляет только основное содержание конституционного права (или свободы), допуская возможность его конкретизации в законодательном акте; 3) конституция содержит развернутое описание конституционного права (или свободы), ничего не говоря о возможности его конкретизации в специальном законе [6, с.12–18.]. Конституционные положения, содержащие правила ограничения прав и свобод человека и гражданина, закрепляются в ч.3 ст.55 Конституция РФ. Это *конституционные правила ограничения*, которые предусматривают три взаимосвязанных условия. Во-первых, права и свободы могут быть ограничены только федеральным законом; следовательно, другими федеральными правовыми актами, а также правовыми актами субъектов РФ, включая законы, такие ограничения будут неконституционными. Во-вторых, ограничение возможно в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Целевой характер ограничений служит интересам общества или государства, в которых живет человек, проявляя свою свободу в ходе взаимодействия с другими людьми. В-третьих, ограничения возможны только в той мере, в какой это необходимо для достижения указанных целей. Федеральный законодатель при рассмотрении и принятии федерального закона обязан оценивать адекватность меры ограничения отдельного права или свободы тем перечисленным целям, во имя достижения которых устанавливается ограничение. Положениям ч.3 ст.55 Конституции РФ корреспондируют

нормы международного права, среди которых следует отметить правила, содержащиеся в пункте 2 ст.29 Всеобщей декларации прав человека 1948 года. В соответствии с ним, при осуществлении своих прав и свобод человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом и необходимы для обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали и общего благосостояния в демократическом обществе. Согласно пункту 3 ст.29 Декларации осуществление этих прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций [7, с.20].

В российской правовой системе существенное влияние на динамику соотношения конституционализма и демократии оказывает практика Конституционного Суда РФ. Конституционный Суд вправе оценивать конституционность действующих федеральных законов, в том числе тех, которыми ограничиваются права и свободы человека и гражданина. Это значит, что сформированный в ходе демократических выборов парламент не вправе окончательно решать вопрос о *пределах* ограничения конкретного права или свободы. Принятый федеральный закон в последствии может быть признан Конституционным Судом не соответствующим Конституции РФ по мотивам несоразмерности использованной меры ограничения тем целям, которые были предусмотрены в ч.3 ст.55 Конституции РФ. Подобные решения Конституционным Судом принимались неоднократно (постановления от 17 мая 1995 года, от 20 декабря 1995 года, от 15 января 2002 года и др.). В постановлении от 15 января 2002 года, Конституционный Суд РФ отметил необходимость взаимосвязанного понимания статей 17 и 55 Конституции РФ, которые предполагают, что целью обеспечения прав других может обуславливаться только устанавливаемое федеральным законом соразмерное ограничение права. Вместе с тем ни законодатель, ни правоприменитель не вправе исходить из того, что этой целью может быть оправдано какое-либо существенное нарушение права, а также отказ в его защите, поскольку тем самым фактически допускалось бы умаление права как такового [8]. На Конституционном Суде РФ лежит задача *обеспечения соразмерности* примененных федеральным законодателем ограничений отдельных прав и свобод человека и гражданина тем целям, которые закреплены в ч.3 ст.55 Конституции РФ. По мнению Конституционного Суда, принцип *соразмерности (пропорциональности)* закреплен в Российской Конституции и обусловлен природой Российской Федерации как правового государства (ч.1 ст.1 и ч.3 ст.55 Конституции РФ). Тем самым, на весах конституционного правосудия особое значение приобретает принцип соразмерности, который выступает инструментальным началом балансирования между конституционализмом и демократией. Данный принцип в системе российского конституционализма должен стать эффективным средством разрешения конституционных коллизий, гармонизации соотношения между

различными субъективными правами человека и гражданина. Благодаря толкованию Конституционным Судом РФ ч.3 ст.55 Конституции РФ, российский конституционализм под влиянием германского конституционного права и европейского права инкорпорирует принцип пропорциональности (соразмерности) при регулировании возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина. Акты и правовые позиции Конституционного Суда РФ в значительной степени развивают его теоретическую сердцевину и постепенно оформляются практические контуры его реализации. В частности, Конституционный Суд РФ высказал правовую позицию, согласно которой принцип соразмерного ограничения прав и свобод, закреплённый в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, означает, что публичные интересы, перечисленные в данной конституционной норме, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям. При этом государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные целями меры [9]. Данный принцип предполагает наличие разумного соотношения между целями и средствами их достижения. Это одновременно подразумевает, что выбраны разумные средства, которые должны обеспечить достижение цели, и что ущерб для тех, интересы кого затрагиваются, не должен быть непропорционален полученному в публичных интересах положительному результату. В компетенцию Конституционного Суда РФ входит выяснение вопроса о самой применимости принципа соразмерности к содержанию установленных в законе ограничений прав и свобод.

В право Европейского Сообщества принцип пропорциональности впервые был введен Судом ЕС в 1970-х годах. Впоследствии он получил закрепление в Договорах. Так, в соответствии с Маастрихтским договором в Договор о Европейском Союзе была введена новая статья 3b. Таким образом, принцип пропорциональности является одним из ключевых принципов права ЕС. При этом данный принцип принят Судом ЕС в качестве общего принципа по его собственной инициативе под влиянием немецкого конституционного опыта [10, с. 147]. Большое влияние на распространение принципа соразмерности в странах Центральной и Восточной Европы играет Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод, в которой данный принцип обнаруживается в специфической форме, а именно Конвенция допускает ограничение закрепленных в ней прав и свобод лишь постольку, поскольку это необходимо в демократическом обществе. Формула об ограничениях, которые «установлены законом и необходимы в демократическом обществе», проходит красной нитью через многие статьи Конвенции (статьи 6 (п.1), 8 (п.2), 9 (п.2), 10 (п.2), 11 (п.2)) [11]. Она выполняет функцию ограничения масштабов вторжения законодателя в сферу основных прав и свобод, служа делу функциональной эффективности использования различных прав и свобод [12, с.63].

Достоинство личности может играть балансирующую роль в вопросах применения принципа пропорциональности, когда затрагиваются вопросы ограничения прав и свобод. В современной науке и юристы, и философы обращаются к идее защиты человеческого достоинства. Во имя человеческого достоинства, по словам профессора Принстонского университета Джорджа Кейтба, означающего в его наиболее общем использовании равное достоинство каждого человека, принимаются хартии прав человека, именно к нему взывают, когда люди во всем мире борются за достижение своих провозглашенных прав [13, р. 1]. Предметом человеческого достоинства является ценность людей или их высокий ранг, или даже их особое место в природе. Одна из основных трудностей заключается в разработке различий между достоинством человека в его отношениях друг с другом и достоинстве человеческого вида по отношению к другим видам и к природе в целом. В одних конституциях фраза «человеческое достоинство» даже не упоминается (Конституция США 1787 года), в других конституциях (особенно после Второй мировой войны) достоинство личности занимает место ведущего конституционного принципа (Основной закон ФРГ 1949 года). В сравнительном конституционном праве и с позиций транснационального дискурса одни авторы признают право на человеческое достоинство в качестве субъективного притязания [14, р. 65], другие исследователи рассматривают человеческое достоинство скорее, как конституционный принцип, нежели в качестве самостоятельного основного права [15, р.331.]. Понятие человеческого достоинства, несмотря на возвышение в современной конституционной юриспруденции долгое время не воспринималось как «первая ценность, лежащая в основе нравственной и политической мысли последних двух столетий» [14, р. 65, 72]. Как показывают сравнительно-правовые и кросс-культурные исследования, право постепенно расширяет отраслевые и ситуационные сферы применения достоинства личности в различных странах. Возрастает степень вовлечения достоинства личности в право и правовые институты как в национальных правовых системах, так и на наднациональном уровне [16]. В российской конституционной юриспруденции отмечается связь между провозглашением человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст.2 Конституции РФ) и охраной достоинства личности. Важно отметить, что ценность человека в контексте реализации его прав и свобод опирается на признание внутренней ценности человеческого достоинства. Конституционный Суд РФ сформулировал принцип уважения и охраны достоинства личности, опираясь на толкование ч.1 ст.21 Конституции РФ, во многих своих актах и распространил действие данного принципа не только на граждан РФ, но и на иных лиц на территории РФ. В частности, в п.2 мотивировочной части постановления от 29 мая 2018 года № 21-П Конституционный Суд РФ указал, что принцип уважения достоинства личности, государственная (включая судебную) защита от дискриминации обеспечиваются лицам, не состоящим в гражданстве РФ [17]. В российском конституционном праве и

конституционном судебном процессе право на охрану достоинства личности сформулировано в Конституции РФ и подтверждается практикой Конституционного Суда РФ, начиная с 1995 года [18].

Конституционный статус достоинства личности призван выполнять роль балансирующего основания при определении границ ограничений или гарантирования различных прав и свобод личности в практике конституционного правосудия. Судебная конституционализация достоинства личности дополнила нормативный и доктринальный подходы к регулированию, обеспечила возвышение человеческого достоинства в ранг конституционной и высшей ценности российской юриспруденции. Элементами судебной конституционализации и отправными правоположениями для дальнейшего развития и применения достоинства личности как конституционно-правовой категории являются правовые позиции Конституционного Суда РФ, в которых подтверждается, что 1) достоинство личности выступает основой всех прав и свобод человека и необходимым условием их существования и соблюдения (в частности, постановление от 9 июля 2013 года № 18-П и др; определение от 20 декабря 2016 года № 2598-О и др.); 2) у Российского государства существует обязанность охранять достоинство личности и её права во всех сферах, где они реализуются (постановление от 25 апреля 2001 года № 6-П и др.; определение от 28 июня 2018 года № 1662-О и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кравец И.А. Ценность конституционной телеологии и конституционная легитимность политического и идеологического многообразия: доктрина и практика // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С.81.

2. Alexy R. Human dignity and proportionality analysis / A DIGNIDADE HUMANA E A ANÁLISE DA PROPORCIONALIDADE // Espaço Jurídico Journal of Law [EJLL]. 2015. Vol. 16, n. 3. (Edição Especial). P. 83–96.

3. Donnelly J. Human Rights and Human Dignity: An Analytic Critique of Non-Western Conceptions of Human Rights // The American Political Science Review. 1982. Vol. 76, no. 2. P. 303–316.

4. Кравец И.А. Герменевтический круг конституции и проблема конституционной модернизации // Толкование правовых актов (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой и трудо-правовой аспекты): материалы Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С.40–44.

5. Ristroph A. Proportionality as a Principle of Limited Government // Duke Law Journal. 2005. Vol. 55, no. 2. P. 263–331.

6. Кравец И.А. Российский конституционализм, «национальное лицо» принципа пропорциональности и стратегия национального развития России // Стратегия национального развития и задачи российской юридической науки: Сб. докладов Международной научно-практической конференции, секций конституционного и муниципального права, международного права, интеграционного и европейского права, международного частного права (Москва, 24 ноября – 3 декабря 2015 г.). М.: Проспект, 2016. С.12–18.

7. Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М., 1990. С.20.

8. Постановление от 15 января 2002 года по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова // Российская газета. 2002. № 12, 22 января.

9. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина от 13 июня 1996 г. № 14-п // Собр. законодательства РФ. 1996. № 26. Ст. 3185.

10. Хартли Т.К. Основы права Европейского сообщества: Пер. с англ. М., 1998. С.147.

11. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и дополнительные протоколы. М., 1996. С.25—31.

12. Арнольд Р. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и ее влияние на государства Центральной и Восточной Европы // Россия и Совет Европы: перспективы взаимодействия: Сборник докладов. М., 2001. С.63.

13. Kateb G. Human Dignity. Cambridge: Harvard University Press, 2011. 256 p.

14. Glensy, Rex D. The Right to Dignity // Columbia Human Rights Law Review. 2011. Vol. 43. No 1. P. 65-142.

15. Barroso, Luís Roberto. Here, There, and Everywhere: Human Dignity in Contemporary Law and in the Transnational Discourse // Boston College International and Comparative Law Review. 2012. Vol. 35. Issue 2. P.331-393.

16. In Defense of Human Dignity: Essays for Our Times / Robert P. Kraynak and Glenn Tinder (Editors). Notre Dame, Indiana: University of Notre Dame Press, 2003 252 pp.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.2018 № 21-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 8 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Чонг Хая» // Официальный интернет-портал правовой информации <<http://www.pravo.gov.ru>> 31.05.2018.

18. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 19, ст. 1764.